

On the Issue of Global Governance in the 21st Century: Approaches of Russia, China and the U. S.

A. V. Khudaykulova¹

¹Moscow State Institute of International Relations, 82 p. 1 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-56-69

Research Article
Full text in Russian

The international system, like any other, needs to be regulated. Obviously, a purposeful and thoughtful direction of the international development dynamics is preferable to a spontaneous and fragmented alignment in the spirit of the Hobbesian idea of «a war of all against all». In this context, the idea of global governance proves viable, despite the declining recognition and relative marginalization of the concept, on par with the number of mentions. International life in the 21st century did not turn out to be as well-adjusted as it was seen by the proponents of liberal globalization and neoliberal ideology immediately after the end of the Cold War. Not surprisingly, that today pessimism about the possibilities for real action in global governance far exceeds the optimism of the first post-bipolar decade. In addition to different interpretations and theoretical basis of global governance, the article reveals the role of the leading world powers – Russia, China and the United States in the multilevel GG architecture through great-power triangular interaction. The author proves that not a single leading world power or group of states can maintain order-forming processes alone. The U.S., China and Russia, in one way or another, pin their hopes on preserving and/or restoring and/or acquiring global leadership. Each of the powers pursues its own strategy of global governance against the backdrop of promoting its own ideas about the world order.

Keywords: global governance; globalization / de-globalization; world order; Russia; China; the U.S.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khudaykulova, Alexandra V.	E-mail: khudaykulova.a@my.mgimo.ru
	ORCID 0000-0003-0680-9321
	Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

Funding: RFBR, project No 20-514-93003 "Russia and China in the global political space: harmonization of national interests in global governance".

For citation: Khudaykulova A. V. On the Issue of Global Governance in the 21st Century: Approaches of Russia, China and the U. S. // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 1. P. 56-69. (in Russ.)

К вопросу о глобальном управлении в XXI в.: подходы РФ, КНР и США

А. В. Худайкулова¹

¹Московский государственный институт международных отношений, проспект Вернадского, д. 82 стр. 1, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-56-69
УДК 32

Научная статья
Полный текст на русском языке

Система международных отношений, как и любая другая, нуждается в регулировке процессов. Тем более что целенаправленное и продуманное направление динамики развития международной динамики предпочтительнее стихийного и фрагментарного расклада в духе гоббсианской идеи «войны всех против всех». В этом контексте идея глобального управления доказывает свою жизнеспособность, несмотря на снижение степени признания и относительную маргинализацию концепта наравне с количеством упоминаний. Международная жизнь в XXI в. не оказалась налаженной в той степени, в какой это виделось сподвижникам либеральной глобализации и неolibеральной идеологии сразу после окончания «холодной войны». Неудивительно, что сегодня пессимизм в отношении возможностей реального действия глобального управления намного превышает оптимизм первого постбиполярного десятилетия. Помимо многообразия трактовок и идейно-теоретической основы концепта глобального управления, в статье раскрывается роль ведущих мировых держав – РФ, КНР и США – в многоуровневой субъектной системе глобального управления через великодержавное треугольное взаимодействие. Автор доказывает, что ни одной ведущей мировой державе или группе государств не под силу в одиночку поддерживать порядкоформирующие процессы. США, КНР и РФ, так или иначе, возлагают надежды на сохранение и/или восстановление и/или приобретение глобального лидерства. Каждая из держав придерживается собственной стратегии участия в глобальном управлении на фоне продвижения собственных представлений о миропорядке.

Ключевые слова: глобальное управление; глобализация/деглобализация; мировой порядок; РФ; КНР; США

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Худайкулова, Александра Викторовна

E-mail: khudaykulova.a@my.mgimo.ru
ORCID 0000-0003-0680-9321

Кандидат политических наук, доцент кафедры Прикладного анализа международных проблем

Финансирование: РФФИ, проект № 20-514-93003 КАОН_а «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

Для цитирования: Худайкулова А. В. К вопросу о глобальном управлении в XXI в.: подходы РФ, КНР и США // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 1. С. 56-69.

Введение

Концепция глобального управления и ее практическое воплощение не являются чем-то новым. В качестве междисциплинарной области исследования и практики глобальное управление окончательно оформилось после окончания «холодной войны», хотя первые попытки и проявления управления в международной сфере датируются 1970-ми гг. Первоначально идея глобального управления ассоциировалась с реструктуризацией мирового экономического порядка, а также перспективой продвижения переговоров по вопросам стратегической стабильности. Повестка глобального управления формировалась под преобладающим влиянием неолиберальной идеологии и глобализации, что в определенной степени обеспечивало ей западный вектор развития и впоследствии немалую долю критики со стороны развивающегося мира. За короткое время концепт получил самостоятельный статус, став своего рода брендом пост-вестфальской системы, коллективных договоренностей и новых переговорных структур. В XXI в. глобальное управление изменилось по многим основаниям – как идеология в контексте несостоятельности западного неолиберализма, как институциональная модель при расширении состава субъектов, как основа структурных изменений миропорядка на фоне укрепления новых не-западных центров силы и пошатнувшегося баланса сил в пользу последних, наконец, как средство решения не только традиционных вопросов глобальной повестки, но и транснациональных проблем нового поколения, входящих в периметр «низкой» политики.

В условиях кризиса либерального мирового порядка, растущего национализма и новой фазы подъема государственного регулирования в адрес глобального управления все чаще слышится критика, которая зачастую принимает неоправданно категоричные формы. Однако сам факт глобального управления не оспаривается, хотя и признается фрагментированный характер современной модели глобального регулирования с множеством изъянов и болевых точек. При этом в нынешних условиях общей международной неопределенности, деглобализации, экономической и геостратегической нестабильности и исчерпанности потенциала саморегулирования мировой системы значимость глобального управления высока как никогда.

Глобальное управление: что это?

Термин «глобальное управление» возник в середине 1970-х гг. более или менее одновременно с термином «глобализация», который применительно к глобальному управлению означает растущее признание расширения сфер и повесток (например, глобальное изменение климата, истощение ресурсов, глобальная безопасность, здравоохранение, гуманитарная ситуация в постконфликтных зонах и др.), требующих коллективных и скоординированных действий международного сообщества. Глобализация создает спрос на глобальное управление, которое в принципе невозможно без глобализации, но развитие глобализации не обязательно ведет к параллельному развитию глобального управления [1].

В настоящее время в международно-политической науке присутствует множество зачастую не совпадающих подходов к определению и пониманию глобаль-

ного управления: от маргинальных, воспринимающих идею управляемости международной системы как утопию и даже отрицающих реальность глобального управления, до принимающих данный концепт в качестве каркаса для устранения рисковенности современного развития. При растущем запросе на глобальное управление согласовать единое общепринятое понимание концепта не удастся. За термином закрепились многозначные и противоречивые смысловые трактовки. Ситуация усугубляется тем, что практически любой процесс, проблема или новый структурный элемент регулирования независимо от контекста объявляются частью общей идеи глобального управления.

Исторически термин «глобальное управление» появился в западном междисциплинарном дискурсе и позиционировался, соответственно, как продукт западной цивилизации. Первоначальное понимание глобального управления сводилось к футурологической идее о глобальном правительстве по аналогии с национальными структурами, но в глобальном масштабе. Джеймс Розенау, один из первых теоретиков глобального управления, ввел в понятийный аппарат «принцип управления без правительства» [2].

«Золотой век» глобализации оказал прямое влияние на продвижение идеи глобального управления. В этом смысле наиболее распространенное определение глобального управления неразрывно связано с направлением, регулированием и координацией если не самой глобализации, то отдельных глобальных проблем и процессов. В дальнейшем данный подход оформился в контексте реструктуризации Вестфальской модели мира. Увеличение социально-экономической взаимозависимости мира и относительный упадок национальных государств послужили трамплином для преодоления этатистских представлений о политической организации мира. В этом контексте Дж. Розенау предложил определять глобальное управление как «совокупность усилий, предпринимаемых разобщенными акторами, которые дополняют деятельность государств или вовсе их вытесняют из системы управления на международной арене» [3]. Томас Вайсс, не менее цитируемый автор, фокусируется в первую очередь на необходимости решения глобальных проблем, определяя глобальное управление как «коллективные усилия по выявлению, изучению или решению мировых проблем, которые выходят за рамки возможностей их решения на уровне отдельных государств; способности международной системы в любой момент времени предоставлять услуги, подобные правительству, в отсутствие мирового правительства» [4].

Кстати, схожую трактовку в свое время взяла на вооружение Комиссия ООН по глобальному управлению для содействия решению глобальных проблем человечества под сопредседательством премьер-министра Швеции Ингвара Карлссона и бывшего генерального секретаря Содружества Шридат Рампал. В специально подготовленном к 50-летию ООН докладе «Наше глобальное соседство» (1995) глобальное управление определяется как «совокупность способов, с помощью которых люди и институты – государственные и частные – управляют своими общими делами. Это продолжительный процесс, в ходе которого можно урегулировать конфликт или расхождение интересов и предпринимать коллективные действия. Глобальное управление подразумевает наличие формальных институтов и наделенных властью режимов для того, чтобы обеспечить соблюдение установленных норм, а также неформальных договоренностей, достигнутых на достижении согласия между народами и институтами или отражающих их интересы» [5].

Итак, концепция глобального управления эволюционировала достаточно быстрыми темпами от футурологической идеи мирового правительства до предпочтительности управления глобальными процессами. Помимо государств, в архитектуру субъектов глобального управления включены международные организации и даже негосударственные акторы, что может трактоваться как переход от Вестфальской к пост-вестфальской норме управления.

Вскоре в определении глобального управления, помимо принятия расширенной трактовки субъектной базы, появился достаточно четкий ориентир на необходимость соблюдения свода согласованных правил и норм. Емкое определение глобального управления как «системы институтов, принципов, политических и правовых норм, поведенческих стандартов, которыми определяется регулирование по проблемам транснационального и глобального характера в природных и социальных пространствах» представлено в коллективной монографии отечественных исследователей ИМЭМО РАН «Глобальное управление: возможности и риски» [6]. При этом многие авторы стали обращать внимание на сетевой принцип глобального управления. В частности, В. Риттбергер трактует глобальное управление как «продукт действия неиерархической сети международных и транснациональных институтов: поведение субъектов регулируется не только межправительственными и международными, но и транснациональными режимами» [7].

С развитием глобализации как ведущего мегатренда все больше стала проявляться нормативная составляющая глобального управления. Соответственно, глобальное управление начали ассоциировать с возможностью достижения конкретных договоренностей по проблемам транснационального характера и даже в некоторой степени направления развития глобализации. Однако в данном контексте глобальному управлению, так же как и глобализации, не удалось избежать критики и обвинений в идеологическом подтексте по продвижению интересов коллективного Запада во главе с США и (нео)либеральных ценностей. Под влиянием идеологии либерализма создавалась иллюзия широкого межгосударственного сотрудничества и единства норм мирорегулирования, что в свою очередь привело к двойному результату – популяризации и одновременно размыванию идеи глобального управления. В конце 1990-х гг. в разгар конфликта на территории бывшей Югославии были сделаны попытки исключить из площадок глобального управления ООН. Это впоследствии сопровождалось усиленным навязыванием новых моральных императивов вмешательства во внутренние дела государств за счет вытеснения «устаревших» и «недостаточных» норм Устава ООН.

Разнообразие определений формирует соответствующие подходы к организации глобального управления. Помимо утопического мирового правительства к типам глобального управления можно отнести: 1) традиционное межгосударственное сотрудничество (соответствует иерархическому управлению с жесткой формой связи через асимметрию власти и властных позиций); 2) институционализованный формат глобального управления в части усиления (реформирования) действующих международных организаций и создания альтернативных институтов; 3) неинституционализированное политическое управление глобальными процессами на базе сетевого взаимодействия и добровольных партнерств с участием всех заинтересованных сторон – государств и частных субъектов. В первых двух случаях глобальное управление реализуется напрямую (руководство «сверху вниз»),

в третьем – опосредованно по принципу «приемлемо всё, что работает» (самоуправление).

Авторская трактовка глобального управления подразумевает комплексное и расширенное понимание концепта как а) коллективных усилий по сдерживанию и противодействию кризисам, решению конкретных задач и одновременно управлению соответствующими процессами; б) широкой субъектной структуры с участием ведущих держав, институтов «клубной» дипломатии («Группы двадцати»), валютно-финансовых регуляторов – МВФ и Всемирного Банка, а также многоступенчатой и разветвленной сети международных организаций (ООН) и региональных организаций, а также НПО; в) повестки, в которой помимо вопросов экономического, валютно-финансового, торгового регулирования, а также взаимодействия по линии обеспечения стратегической стабильности, присутствует множество проблем «низкой» политики.

Специфика субъектной структуры глобального управления

Параллельно с продолжающимся дискурсом о сути и форматах глобального управления обсуждается вопрос о субъектах системы. С одной стороны, очевидно, что единый центр глобального управления объективно отсутствует. С другой стороны, система глобального управления, которая все еще далека от финализации своей структуры, выглядит весьма разнообразно и опирается на разные агентные уровни. В настоящее время существующая структура глобального управления может быть представлена в виде треугольника, контурами которого выступают 1) ООН и мировое сообщество в лице 193 государств-членов, 2) специализированные межправительственные, региональные и субрегиональные, а также неформальные (клубные) организации, 3) в меньшей степени – неправительственные организации.

В центре треугольника неизменно находятся ведущие мировые державы. Традиционно глобальное управление – это по большей части прерогатива государств как центральных акторов Вестфальской модели. Взаимодействуя, государства 1) устанавливают и/или навязывают правила, по которым осуществляется регулирование глобальных процессов; 2) совместно принимают решения; 3) разделяют ответственность.

Если в условиях «холодной войны» за настройки международной системы отвечали супердержавы, по крайней мере, в сфере поддержания стратегической стабильности, то в рамках однополярной структуры роль регулятора была закреплена за США в плотном окружении ближайших союзников (концепция плюралистической однополярности). В этот непростой период перестройки системы с биполярной модели на однополярный фундамент стало понятно, что правила и регулирующие императивы нужны и для единственной сверхдержавы.

В XXI в. международная система с ее явным движением в сторону многополярности стала более подвижной, сбалансированной и взаимозависимой. На роль регуляторов стали претендовать новые центры силы, что открыло путь к становлению многополярности по многим показателям и сферам. С 2010 г. наметился тренд на смещение центров влияния и обострение противоречий между западными и быстро растущими развивающимися государствами. Конкуренция происходит по линии из-

менения баланса сил, что, в частности, наглядно продемонстрировал инициированный в 2001 г. Дохийский раунд многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО, закончившийся провалом. Обострение соперничества стало возможным по мере роста финансово-экономической и торговой мощи не-запада в XXI в., что повлияло на снижение асимметрии соотношения материальных потенциалов [8]. Вместе с выравниванием торгово-экономических количественных показателей крупнейших развивающихся экономик (преимущественно азиатских) окрепло их политическое влияние, что мотивирует традиционные центры силы идти на сближение и сотрудничество с ними в более широком политическом контексте.

Важный пласт регулирования принадлежит международным организациям, которые обладают собственной акторностью, проявляющейся в определенной степени автономности от государств-членов. Вместе с тем сами по себе эти организации не являются субъектами глобального управления, их решения производны от позиций стран, занимающих в них ключевые позиции.

Начиная со второй декады XX в. МВФ, Всемирный банк и с 1995 г. ВТО позиционируются в качестве «большой тройки» глобальных регуляторов в области экономики, финансов и торговли. Функционал данных межправительственных организаций включает создание и внедрение правил, развитие инфраструктуры государств-членов, что позволяет квалифицировать их в качестве центров глобального проецирования силы. Кроме того, данные организации выполняют не только экономическую функцию, но и политические задачи, т. к. глобализация, открытые рынки и многосторонний характер торговли проецируются в качестве надежной гарантии обеспечения долгосрочного мира.

Стержневой структурой глобального регулирования считается ООН, которая с 1945 г. воплощает разнообразие мир-системы государств, призвана обеспечивать равновесие всей системы международных отношений и служить несущей конструкцией международной безопасности. Однако, несмотря на глобальный многофункциональный охват своей деятельности, ООН никогда не была инструментом глобального управления. С точки зрения политической структуры ООН – это эгалитарная организация, в основу которой заложено равноправие всех государств-членов по принципу «одна страна – один голос». Уникальная легитимность ООН, в основе которой – универсальное членство 193 государств, с одной стороны, олицетворяет многосторонность и отражает реальные настроения в мировом сообществе, но с другой – объективно утяжеляет процесс принятия коллективных решений. В системе ООН функционал глобального управления эксклюзивно возложен главным образом на Совет Безопасности, который несет ответственность за военно-политическое регулирование с опорой на «право вето».

Значимость международных межправительственных организаций остается ограниченной. Отсутствие консенсуса по многим ключевым вопросам глобальной повестки, а также неравномерный потенциал влияния на процесс принятия решений со стороны традиционных и новых центров силы привели к снижению эффективности «большой тройки» глобальных регуляторов (МВФ, ВБ и ВТО). Ключевые позиции в МВФ, группе Всемирного банка и ВТО принадлежат США и западным державам. Несмотря на то, что крупнейшие государства не-западного блока смогли незначительно увеличить свои национальные квоты в МВФ и Всемирном банке, они не входят в группу стран, которые могут оказывать воздействие на решения тради-

ционных структур Бреттон-Вудса. Восходящие центры, не имея должной репрезентативности в рамках существующих институтов, продвигают трансрегиональные (система институтов БРИКС) и макрорегиональные («Один пояс – один путь») инициативы. По мере институционализации БРИКС, ШОС и других аналогичных структур (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Банк развития БРИКС и др.) потенциал «периферии» будет нарастать.

Вместе с тем новые центры силы пока не смогли приблизиться к укреплению своих позиций настолько, чтобы занять лидирующую роль хотя бы в глобальном экономическом управлении. Представляется, что в среднесрочной перспективе на авансцене глобального управления будут доминировать два конкурирующих мирорегулирующих блока («глобальное НАТО» и «ШОС+») с разными подходами к вопросам мирорегулирования, от кибербезопасности и регулирования Интернета до правозащитной проблематики.

Хотя все государства проявляют единодушие в необходимости реформирования ООН, ВТО, МВФ, Всемирного банка, договориться о деталях этого процесса категорически не удастся, так же как не удастся договориться по поводу проведения новых глобальных конференций по типу Бреттон-Вудской или Сан-Францисской и сформировать пул новых межправительственных организаций.

Несмотря на ослабление централизованного характера межгосударственных институтов, действующие структуры позволяют системе с разной степенью эффективности преодолевать возникающие кризисы. Отсутствие с 1945 г. глобальной войны – это часть большой заслуги ООН, которая в условиях прогрессивного развития человечества переросла в «привычку к миру» и перестала ассоциироваться в сознании широкой общественности и политического истеблишмента с реальной угрозой. ООН остается единственной действующей площадкой глобального сотрудничества и принятия важнейших решений. ООН никогда не была инструментом глобального управления, но ее ключевая структура – Совет Безопасности – неукоснительно работала на выполнение функционала по глобальному регулированию в военно-политической сфере. Несмотря на разобщенность позиций постоянных членов СБ ООН (прежде всего РФ и США), другой альтернативы сотрудничеству на многосторонней основе просто не существует.

Работающим и вполне дееспособным механизмом выступает «Группа двадцати», которая довольно результативно проявила себя в контексте глобального кризиса 2008 г. как антикризисная фокус-группа по недопущению стагнации в глобальной экономике. Данная структура отличается от многих регулирующих механизмов тем, что устраивает как передовые развивающиеся, так и традиционно развитые державы. В условиях системного кризиса 2020 г. усилия «Группы двадцати» оказались не столь прогрессивными, однако ведущие мировые державы как западной коалиции, так и не-западного блока возлагают на клуб конструктивные ожидания. После реструктуризации в 2014 г. состава «Группы семи» данный клуб ориентирован на отстаивание интересов коллективного Запада.

Исходя из своего совокупного стратегического потенциала, на статус ведущего коллективного центра силы претендует БРИКС, продвигая не-западный взгляд на мироустройство и иницилируя изменения существующей системы глобального управления. Поступательная институционализация БРИКС в виде созданных Нового банка развития и Пула условных валютных резервов будет продвигать

коллективные интересы объединения через гибкий подход синтеза интересов государств-членов. Тем более что БРИКС поступательно расширяет повестку и горизонты в области глобального управления.

Сетевой принцип управления на основе подключения к решению ряда вопросов неправительственных организаций и гражданского общества и формирования новых моделей взаимодействия прогрессирует не так быстро, как хотелось бы неправительственному сектору. Несмотря на усиление смешанных механизмов глобального управления бюрократическая машина государственного типа управления по-прежнему инерционна.

Проблематика глобального управления во внешнеполитических стратегиях РФ, КНР и США

Система глобального управления была разработана западными государствами, исходя из собственных ценностей и представлений о миропорядке. Именно коллективный Запад с центром принятия решений в лице США и ряда других государств был основоположником создания международных правил и норм. Однако западоцентризм глобального управления сменяется более сбалансированной системой, учитывая подъем возвышающихся государств, что изменило не только баланс сил, но и структуру глобального управления. В феврале 2020 г. в докладе организаторов Мюнхенской конференции по безопасности впервые прозвучал термин «беззападность» (англ. *westlessness*), оспаривающий единство Запада. За основу была выдвинута гипотеза о «распаде» западного сообщества как некогда сплоченной геополитической конфигурации, единство и коллективный характер которого обеспечивались приверженностью демократическим принципам, правам человека, рыночной экономике и сотрудничеству в международных институтах. Появление дискурса было вызвано не только усилением сплоченности «не-запада» и уменьшением западоцентризма в глобальном управлении, но и последствиями эпидемии COVID-19, как то закрытие границ и ослабление взаимопомощи западных стран.

Ни одна ведущая мировая держава или группа государств не в состоянии поддерживать порядкоформирующие процессы и глобальное управление в одиночку. Традиционно важное практическое измерение глобального управления содержится в политике США, КНР и РФ. Все три державы активно вовлечены в повестку глобального управления, придерживаясь разных моделей и опираясь на разные идейно-теоретические традиции.

Подход России к глобальному управлению отличается гибкостью и во многом зависит от текущего баланса сил. В 1990-е гг. Россия расценивала глобальное управление как западный концепт, отвечающий интересам традиционных центров силы по защите статус-кво. Тот факт, что Россия вела переговоры о вступлении в ВТО на протяжении 18 лет, в определенной степени отражает осторожность страны в вопросах глобального торгово-экономического управления. Вместе с тем в начале 1990-х гг. Россия уверенно добивалась участия в механизмах глобального управления («Группе семи»). В 1992 г. РФ вступила в МВФ. В январе 2005 г. Россия досрочно погасила свою задолженность перед фондом, получив статус кредитора МВФ. В связи с этим решением Совета директоров Россия была включена в План финансовых операций фонда, тем самым войдя в круг членов МВФ, средства которых используются в финансовых операциях МВФ.

Современную российскую внешнюю политику отличает прагматизм, многовекторность, «напористость» и рационализм. Внешнеполитическая стратегия строится с опорой на многополярность, «концерт» наций, региональные организации и неформальные структуры. Тенденция на изоляцию РФ со стороны коллективного Запада наталкивается на неприятие подобных попыток и является побудительным мотивом для Москвы для продвижения реформы системы глобального управления и усиления своего присутствия в ее ключевых структурах.

Российская дипломатия активно продвигает свою внешнеполитическую стратегию на площадках БРИКС, «Группы двадцати», ШОС и др. Главным ресурсом и многосторонним механизмом для современной России выступает ООН, которая расценивается Москвой как универсальная площадка для согласования всего комплекса глобальных проблем. Российское руководство и политический истеблишмент, характеризуя ООН, используют такие эпитеты, как «центр регулирования международных отношений и координации мировой политики», «универсальная площадка для разрешения кризисов», «гарант обеспечения многосторонности». Россия традиционно проводит активную дипломатию на площадке ООН, выступая за сохранение и укрепление ее центральной роли в мире. Подобный подход отражен во всех без исключения внешнеполитических концепциях современной России, в которых обосновывается необходимость усиления роли ООН для обеспечения стабильности, предсказуемости и многополярности.

Активный и напористый характер участия в процессах и механизмах глобального управления демонстрирует КНР, предлагая альтернативную западной модель развития. За два прошедших десятилетия Пекин смог продемонстрировать впечатляющую динамику – от рядового члена международных организаций до державы с глобальной ответственностью, направляющей реформирование традиционных международных институтов и запускающей новые альтернативные структуры (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС). Лидерская позиция в институциональном каркасе глобального управления подкреплена трансрегиональными экономическими инициативами и проектами.

Современная внешнеполитическая стратегия Китая опирается на целый ряд идейно-ценностных конфуцианских установок, среди которых «сообщество единой судьбы человечества» и «гармоничный мир», проповедующие установку на устойчивый, миролюбивый, справедливый мир и взаимовыгодное сотрудничество в противовес унитаризму и гегемонизму.

В концептуальном плане подход КНР к глобальному управлению опирается на следующие установки: Китай должен принимать активное участие в глобальном управлении и брать на себя инициативу; участие Китая в глобальном управлении направлено на мирное развитие и взаимовыгодное сотрудничество; глобальное управление должно придерживаться принципов равноправных консультаций и взаимовыгодного совместного строительства [9]. Основные принципы участия Китая в глобальном управлении в трактовке председателя КНР Си Цзиньпина сводятся к следующему своду правил: 1) глобальное управление должно соответствовать Уставу ООН, новые проблемы необходимо решать посредством консультаций на равноправной основе; 2) глобальное управление новой эпохи должно создать новый тип междержавных отношений; 3) глобальное управление должно развивать роль уже существующих международных организаций и способствовать созданию

новых площадок; 4) участие в глобальном управлении требует активно брать на себя международную ответственность и обязательства, а также следовать принципу собственных возможностей; 5) глобальное управление должно прислушиваться к требованиям других стран, а также своевременно выражать голос Китая; 6) глобальное управление тесно связано с госуправлением Китая [9].

России и Китаю совместно с другими членами БРИКС удалось добиться определенных подвижек по укреплению своих позиций в МВФ и Всемирном банке по итогам реформы системы представительства и квот. По новым правилам у Китая национальная квота в МВФ достигла 6,4 %, у России – 2,7 %. Китай стал третьим по размеру квоты государством-членом МВФ, поднявшись на три позиции. Россия поднялась с десятой на девятую позицию [10]. Во Всемирном банке наибольшее увеличение доли голосов – на 1,64 % (с 2,77 до 4,42 %) также пришлось на КНР. Квота РФ по-прежнему составляет 2,77 % [11]. Вместе с тем базовые рамки и соотношение сил в этих организациях остались прежними в силу непоколебимости доли США и их права вето.

Современная стратегия США с точки зрения глобального управления отличается прагматичностью и сводится к поддержанию двух ключевых форматов: традиционной коалиционной дипломатии с опорой на НАТО и другие организации, где у США лидирующие позиции и поддержка большинства; перевод многостороннего взаимодействия в односторонний или двусторонний формат (при наличии в организации прокитайской коалиции) с привлечением ограниченного числа союзников для блокирования невыгодных решений.

В контексте осложнения контроля за институтами США сделали ставку на выход из некоторых крупнейших международных соглашений. Нельзя не согласиться с утверждением П. Е. Смирнова, что «лояльность Вашингтона многосторонним транснациональным институтам, которые были созданы при его решающем участии, всегда простиралась до тех пределов, где это не противоречило его эгоистически понимаемому национальному интересу» [12]. Так, в 1996 г. США вышли из Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). Подписав в 1998 г. Киотский протокол, в 2001 г. США отказались его ратифицировать. В 2001 и 2009 гг. США бойкотировали работу Всемирной конференции по борьбе с расизмом. В 2002 г. США отозвали свою подпись под Римским статутом Международного уголовного суда (МУС). Довольно показательна политика США в отношении Совета ООН по правам человека (СПЧ). В начале 2000-х гг. Вашингтон начал бойкотировать работу Совета, вернувшись в его ряды в 2009 г., не переставая при этом выражать недовольство по поводу присутствия в нем Кубы и Ирана. В 2018 г. Вашингтон, не согласный с принципом коллегиального принятия решений, в очередной раз покинул СПЧ. В 2017 г. США вновь объявили о прекращении финансирования Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) после остановки финансирования с 2002 по 2008 гг. В 2017 г. США вышли из международного торгового соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) и заявили о прекращении участия в Парижском соглашении по климату. Тогда же вступило в силу решение США о выходе из Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), ряды которой США уже покидали в 1985 г. В 2020 г. США объявили о прекращении отношений со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и выходе из ее состава в 2021 г.

За четыре года правления Д. Трампа поменялся общий дискурс с уходом от глобалистской риторики и стратегии либерального глобализма к национализму и приоритетному обеспечению внутренних интересов при сохранении приверженности традиционным внешнеполитическим приоритетам. Выступая в 2018 г. на 73-й сессии ГА ООН 45-й президент США акцентировал внимание на американской идентичности, которая и предопределяет, по его мнению, «выбор США в пользу независимости и сотрудничества, а не глобального управления, контроля и доминирования ... Мы отвергаем идеологию глобализма и берем на вооружение доктрину патриотизма» [13]. Отказ Д. Трампа от либерально-глобалистской парадигмы был заметен в его подходах к торгово-экономическим отношениям с ведущими партнерами США, в коммерциализации политики по отношению к союзникам по военно-политическим альянсам, в его ставке на демонтаж основных соглашений и режимов, определяющих стратегическую стабильность, в деструктивном подходе к механизмам разрешения многих международных конфликтов и кризисов [12]. Концептуально США будут и впредь опираться на важнейшие институты глобального управления, тактически корректируя свои цели и интересы к их повестке и функционированию. Тем более что США до сих лидируют по объемам финансирования крупнейших международных организаций.

Применительно к ООН американской дипломатии свойственно гибкое балансирование между отсылкой к высоким основополагающим идеалам Объединенных Наций и отстаиванием собственных интересов. С одной стороны, США подтверждают свою приверженность и поддержку ООН, но с другой – заявляют, что в современных условиях ООН не является более ключевым инструментом коллективного регулирования и разрешения кризисных ситуаций в области безопасности. США не скрывают, что ориентируются в выборе инструментария обеспечения безопасности на ситуативный подход и в случае, если возможности НАТО более адекватны и подходящи условиям кризисной ситуации, они сделают выбор именно в пользу последнего.

Заключение

Потребность в управлении международной системы растет. Однако конфигурация глобального управления по-прежнему носит раздробленный и специализированный характер и во многом зависит от соотношения сил на международной арене. Глобальное управление по-разному структурируется в разных частях мира и в разных отраслевых сегментах имеет собственный специфический формат. В этом смысле мир далек от глобального управления как такового, а система управления далека от целостного и завершенного оформления. Однако утверждения, что парадигма глобального управления находится в кризисе, не соответствуют реальному положению дел. Дефицит управления не тождественен его краху, тем более что глобальное управление априори не предусматривает устранение неравенства между государствами и регионами и решение всех насущных проблем современности.

Повестка глобального управления «растворяется» в более широкой проблематике миропорядка с обращением к проблемам кризиса Вестфальской модели и суверенитета, новому поколению транснациональных угроз и вызовов, институциональному регулированию, иерархии и междержавной конкуренции и пр. В таком

виде концепт глобального управления имеет крайне широкое звучание, становясь в один синонимический ряд с другими категориями для обозначения постбиполярного мирового порядка, что, в частности, отражают положения институционализма и теории международных режимов, в русле которых и происходило развитие идеи глобального управления.

На ближайшую перспективу широкая модель глобального управления с участием разных типов акторов вряд ли кардинально изменится, однако подвижки могут произойти по линии форматов и интенсивности взаимодействия между различными уровнями субъектов. Речь идет об усилении или, наоборот, ограничении механизмов коллективного управления на транснациональном уровне в сторону, соответственно, уменьшения или увеличения способности государств по реализации управления на национальном уровне. Диверсификация акторов и площадок для обсуждения и согласования позиций по глобальной повестке формирует так называемую «конкурентную многосторонность», которая в случае с глобальным управлением имеет вполне созидательный характер.

Интересы традиционных и новых центров силы в системе глобального управления расходятся. При этом их взаимодействие не всегда принимает исключительно конфронтационный характер, тяготея к балансу конкуренции и взаимозависимости. Запад с трудом идет на аккомодацию новых центров силы, которые, в свою очередь, добиваются равного с ним статуса, но не стремятся исключить или заменить его. Перспективы и результативность глобального управления будут во многом определяться умением договариваться, хотя ни одна из сторон пока не изъявляет стойкого желания совместно формировать единый коллективный управляющий центр.

Традиционные центры силы в лице ведущих западных государств по-прежнему оказывают прямое и наиболее весомое влияние на руководство международных институтов, определяя ключевые направления в их работе и разработку международных правил. С учетом текущих изменений в глобальной иерархии для восходящих государств задача обеспечения скоординированности позиций и действий в рамках международных организаций не менее важная, чем для коллективного Запада.

Подходы РФ, КНР и США к глобальному управлению определяются соответствующими стратегиями стран по линии глобального лидерства, а также разницей в интерпретации правил и норм. Все три державы так или иначе возлагают надежды на сохранение и/или восстановление и/или приобретение глобального лидерства. Национальные интересы и приоритеты стран разные, что определяет конкурирующий характер их взаимодействия. Современная модель конкуренции между тремя державами все больше сдвигается в сторону конкуренции моделей управления. Соответственно, в рамках международной системы возникает потребность не только в управлении глобальными процессами, но и в управлении междержавной конкуренцией. Очевидно, что между всеми странами нет четкого понимания стратегических взаимоотношений в долгосрочной перспективе. Но каждая из них по-прежнему ведет тонкое дипломатическое маневрирование в духе Г. Киссинджера по сдерживанию друг друга. Задачи глобального управления приходится решать в условиях перераспределения сил ведущих государств, которые во многом исходят из текущих интересов и ориентируются на ситуативные процессы.

Ссылки / References

1. Кортунув А. В. Кризис миропорядка и будущее глобализации // Доклад РСМД. 27.08.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-budushchee-globalizatsii> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Governance without Government: Order and Change in World Politics. Ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge University Press, 1992. 324 p.
3. Rosenau J. N. Toward an Ontology for Global Governance. In Approaches to the Theory of Global Governance. Ed. by M. Hewson, T. J. Sinclair. State University of New York Press, 1999. 328 p.
4. Weiss T. G. What Happened to the Idea of World Government? // International Studies Quarterly. 2009. № 53 (2). P. 253–271.
5. Report of the Commission on Global Government Our Global Neighbourhood, 1995. URL: <https://humanbeingsfirst.files.wordpress.com/2009/10/cacheof-pdf-our-global-neighborhood-from-sovereignty-net.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
6. Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.
7. Rittberger V. Global Governance and the United Nations System. New York: United Nations University, 2002. 252 p.
8. Дегтерев Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: Русайнс, 2020. 213 с.
9. Ли Янь. Концепция глобального управления Си Цзиньпина. Теоретическое содержание и практическая руководящая значимость // Свободная мысль. 2019. № 2 (1674). С. 65–80.
10. MF Quota and Governance Reform—Elements of an Agreement // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2010/103110.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
11. World Bank Group voice reform: enhancing voice and participation of developing and transition countries in 2010 and beyond // World Bank. URL: [http://siteresources.worldbank.org/DEVCOMINT/Documentation/22553921/DC2010-006\(E\)Voice.pdf](http://siteresources.worldbank.org/DEVCOMINT/Documentation/22553921/DC2010-006(E)Voice.pdf) (дата обращения: 20.02.2021).
12. Смирнов П. Е. США и кризис глобального управления в период администрации Д. Трампа // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 127–141.
13. Remarks by President Trump to the 73-rd Session of the United Nations General Assembly. New York. 25.09.2018 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefingsstatements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (дата обращения: 20.02.2021).